

ПАРАШЮТИСТ

Колонны наших войск вступили на главную улицу большого аграрного города.

Высокие здания модной архитектуры дребезжали зеркальными стеклами, словно шкафы посудой.

Пестрая толпа жителей, теснясь к стенам домов, жадно разглядывала танки, пушки, металлические грузовики, сидевших в них автоматчиков.

А на мостовой, отделившись от всей толпы, почти вплотную к танкам, стоял человек в черной донельзя изношенной одежде. Выбритое лицо с запавшими синеватыми щеками выражало такое волнение, что невозможно было не запомнить его. Когда горящие его глаза встретились с моим взглядом, возникло такое ощущение, будто этот человек немой и, борясь, страдая, он пытается произнести слово.

Из толпы раздавались приветственные крики. Бойцам бросали цветы. Один букет упал к его ногам. Человек не наклонился, не поднял цветов, стоя и напряженным взглядом смотрел в лица наших бойцов и офицеров.

...

Несколько месяцев тому назад в этой стране поврежденный огнем дальнебойных зениток разбился при вынужденной посадке в горах американский бомбардировщик «Летающая крепость».

Экипаж успел в какую-то секунду подать радиосигнал бедствия.

В то время советские войска находились еще очень далеко от границ этого государства. Но наше командование снарядило группу хороших, бывалых ребят и отправило их на помощь американскому экипажу.

Самолету немисливо было совершить посадку на скалы. Шестеро бойцов выбросились на парашютах. Пятеро приземлились благополучно. Шестой, попав в узкую теснину ущелья, раскачиваясь на стропях в теплых потоках восходящего воздуха как маятник, разбился о каменные стены.

Десять дней парашютисты искали американских летчиков. На деся-

тый — нашей. Живыми остались только четыре американца, двое из них были тяжело ранены.

Семнадцать суток на самодельных носилках, по тропинкам шириной в ладонь парашютисты несли раненых летчиков. Когда спустились в долину, старший экипажа рацию.

Советский самолет через два дня совершил посадку в условленном месте. Сначала в самолет погрузили раненых. Стоя у дверей, старший группы ждал, когда в самолет садут двое американцев, а те, стоя у дверей, улыбаясь, предлагали войти сначала нашим бойцам.

Неизвестно, сколько времени заняла бы эта обходная вежливость, но к старшему подошел боец и что-то прошептал на ухо. Тогда старший отдал команду, и протестующих американцев подняли на руки, втолкнули силой в кабину и захлопнули дверцу.

Наши парашютисты побежали и дороге, где с двух грузовиков уже соскакивали полные мандарины. Самолету удалось благополучно взлететь.

Высаженный в ту же ночь десантный отряд не обнаружил наших парашютистов.

Лейтенант Михаил Аркисьян был старшим группы парашютистов.

В штабе части я прочитал дело лейтенанта Аркисьяна.

1941 год. Ноябрь. Разведкой было установлено, что немцы готовятся к массированному налету на Москву, сосредоточили крупные склады авиационных бомб. Задание — проникнуть в расположение складов и уничтожить их.

Когда наш самолет пересекал линию фронта, зенитки снаряд пробил фюзеляж и разорвался в отсеке борттоплива. Раскаленные осколки воспламенили взрывчатое вещество, которое находилось в брезентовой сумке, надетой на Аркисьяна надобие пробкового спасательного пояса. Аркисьян бросился к штурвалу бомболюка, раскрутил его и выбросился из бомболюка, пылая как факел. Он падал затылком прыжком, не сбив пламя. Купол парашюта напоролся на вершину дере-

ва. Ударившись о ствол, Аркисьян повредила себе ногу. Он висел на стропях до рассвета. Очнувшись, отстегнула лямки, упал на землю и снова лежал несколько часов без сознания.

С поврежденной ногой Аркисьян пробирался двое суток, но не туда, где мог найти приют и помощь.

Бомбовый склад немцы расположили на территории бывшего пивного завода. Серый дощатый забор окружал завод.

Орудия ножом, Аркисьян проделал в заборе дыру и пролез в нее. По пожарной лестнице он поднялся на чердак и оттуда спустился внутрь завода.

На стеллажах вдоль всего огромного цеха лежали в несколько рядов тяжелые бомбы.

У Аркисьяна не было взрывчатки: она сгорела.

Аркисьян ползал в темноте, собирая дрова, чтобы поджечь цех. В одном из помещений он нашел ящик с взрывателями. Он ввернул взрыватель в бомбу, взял кусок железа, чтоб ударить по взрывателю...

Но потом Аркисьян отложил кусок железа в сторону, вывернул взрыватель. Действуя доской как рычагом, поставил бомбу на хвост, потом закинул веревку за металлическую ферму, поддерживающую кровлю, подвесил кусок железа строго перпендикулярно головке бомбы. Снова ввернул взрыватель.

Затем Аркисьян принес промасленную бумагу, в которую были завернуты детонаторы. Разрывая ее на продольные куски, сделал нечто вроде серпантинной ленты, конец ее прикрепил к туго натянutoй тесьме железа веревке и зажег.

Когда Аркисьян пересекал снежное поле, стараясь подальше уйти от склада, немецкие часовые с дозорных вышек заметили его и открыли огонь. Но склад авиационных бомб взлетел на воздух вместе с вышками и немцами на них.

1942 год. Десять советских парашютистов проникли в город Жиздру, занятый немцами.

Перебив немецких солдат в командатуре гранатами, парашютисты забрали документы, а из сейфа — около двух миллионов рублей советских денег. На пожарной машине, запряженной четверкой сильных лошадей, выкатились из города.

Месяц шли парашютисты до линии фронта. Голодные, изможденные, провадываясь в снегу, несли тяжелые мешки с деньгами. Бойцы предлагали сжечь деньги, потому что не было больше сил нести эту тяжесть. Но Аркисьян старший в группе, сказал: нельзя.

Во время стычек с немцами парашютисты ложились в снег, а вперед клали мешки, защищая себя от пуль.

Они перебрались через линию фронта и сдали деньги.

1943 год. Аркисьян с группой товарищей ликвидирует одного из палачей белорусского народа.

В снегу, возле дороги, по которой должен был проехать чиновник на охоту, с рассветом закопали наши парашютисты. Чтобы не быть обнаруженными собаками, они пропитали свои маскировочные халаты специальным составом.

Несколько троек шумно пронеслось мимо залегших парашютистов. Но Аркисьян запретил открывать огонь. На обратном пути утомленная после охоты и основательно захмелевшая охрана будет менее бдительна. Парашютисты лежали в снегу шестнадцать часов. Двое отморозили себе конечности настолько, что потом пришлось ампутировать. Но никто не покинул своего поста, не сдвинулся с места. Ночью возвращающиеся с охоты немцы были уничтожены на дороге все до единого.

Эти три эпизода не исчерпывали всей боевой деятельности Михаила Аркисьяна. Один только перечень выполненных заданий занимал шесть страниц убористого текста. Михаил Аркисьян родился в 1921 году, армянин. В 1943 году принят в члены ВКП(б).

Я решил узнать обстоятельство гибели Аркисьяна, но, когда обратился к представителю командования с этим вопросом полковник сказал с упрямом:

— Плохо вы знаете моих людей, если так быстро их хороните.

И полковник рассказал мне кратко — его все время прерывали телефонные звонки — последующую историю парашютистов и их старшего.

Оставшись один, парашютисты вели бой с немцами. Аркисьяну и

двум бойцам удалось прорваться и уйти в горы. Один боец был убит, а другой, Василенко, тяжело раненый попал в руки немцев.

В горах парашютисты встретились с партизанами. Мысль о поимавшем в плен Василенко мучила Аркисьяна. Партизаны установили с помощью населения, что раненый русский находится в концлагере. Из концлагеря заключенных гоняют работать в каменоломни.

У Аркисьяна созрел план. Ночью он пробрался в каменоломни и зарылся в щебень. С рассветом пришли заключенные. Он смешался с ними, нашел Василенко. Когда начало смеркаться, Аркисьян закопал Василенко в щебень, сам встал в шеренгу и был принят по счету.

Силы людей, физические и моральные, были доведены до предела изнеможения. Многие ждали только смерти.

Аркисьян сумел сплотить этих людей и собрать воедино их волю, воодушевить их верой в освобождение. Он стал готовить восстание заключенных.

Восстание произошло. Оно совпало с днями, когда уже приближались к этим местам наступающие части Красной Армии.

Дни и ночи мимо лагеря шли отступающие колонны немцев. В лагерь явился эсэсовский отряд для расстрела заключенных. Но расстреляны были не заключенные, а эсэсовцы.

Когда пришла Красная Армия, Аркисьян был временно оставлен в лагере начальником — охранять пленных немцев, теперь они заполнили помещение лагеря.

— И сейчас вы можете увидеть его там, — закончил полковник, прижимая к уху телефонную трубку и держа вторую в руке.

...Я приехал в лагерь военнопленных и здесь нашел лейтенанта Аркисьяна.

Первыми словами, с которыми обратился он ко мне, было:

— Понимаешь, дорогой, мне сейчас некогда. Ты видишь, какой у меня тут зоологический сад.

И только ночью мне удалось поговорить с ним с блокнотом в руках.

— Правильно, это я тогда стоял на улице и смотрел, как входят в город наши советские части, — го-

ворил мне Аркисьян взволнованно, — и, понимаешь, ужасно мне было хорошо и ужасно плохо, что вот стою я, вижу своих и не могу даже сказать «здравствуйте», потому что так я некрасиво одет, как ворона, что про меня подумают, какой такой советский человек. Это были мои самые тяжелые переживания в жизни — запиши, пожалуйста. Нет подожди, я тебе вот скажу, это главное переживание будет.

В одном месте меня немцы собаками загоняли. Ползу я в лесу, по грязи, деревья такие черные кругом, осина. Дождь, как из пульверизатора, идет, такой противный. Тошнит меня. Немцы живот прострелили, решил — застрелюсь. Вынул пистолет, зажмурился и тут, понимаешь, подумал: жена есть, отец есть, мама есть, товарищи хорошие, деревня, где, понимаешь, я жил в Армении, в нашей такой замечательной стране, — и вдруг этого ничего не будет, как будто собственной своей рукой я все это убиваю, а не себя. Невозможно. Решил жить. И вот, видишь, живу. Отбил. И каждый раз, когда мне плохо, я так думаю, и мне замечательно интересно жить становится. А так — храбрый, что такое храбрый? Муха тоже храбрая, она с размаху в стекло головой бьет.

Вошел караульный и доложил о приезде американских летчиков.

Аркисьян встал и сказал со вздохом:

— Прилетели специально спасибо сказать. Я говорил, зачем горячее жгли, можно было письмо написать. Придется водку пить, гостеприимство, а мне, понимаешь, нельзя, я при исполнении служебных обязанностей.

Четыре американских летчика шумной гурьбой вошли в комнату, держа в руках большой венок. Аркисьян, повидимому уже привычно, наклонил голову. Венок надели ему на шею.

Через час американцы, обняв Аркисьяна, пели ему свои песни, показывали карточки своих жен и детей, и Аркисьян к восторгу американцев, воля пальцем, называл имена детей их и жен, не забывая при этом поглядывать на часы: близилась смена караула, ему нужно было принести рапорт.

(«Правда».)